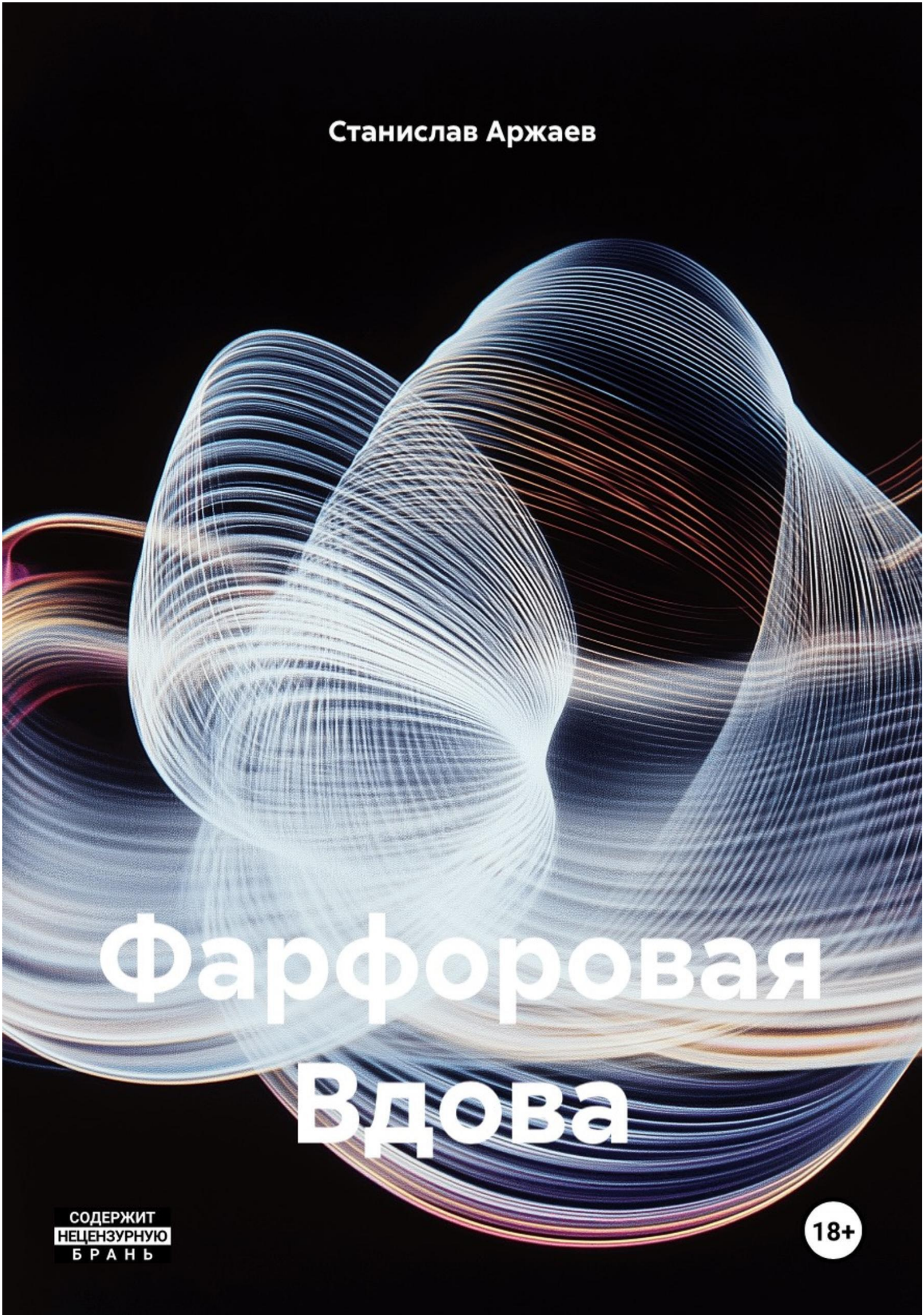
Станислав Аржаев

Фарфоровая Вдова

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Станислав Аржаев

Фарфоровая Вдова

«Автор»
2026

Аржаев С.

Фарфоровая Вдова / С. Аржаев — «Автор», 2026

Станислав Аржаев. «Фарфоровая вдова». Серия «Сосуды». Книга четвёртая.Реставратор Илья Корвин не хотел ехать в Нижегородскую область. После «Стеклянного сада», «Восковой обители» и «Зеркального дома» он мечтал только об одном: сидеть в своей квартире на Лиговском, пить чай и не думать о сосудах. Но звонок следователя Кожуховой рушит всё: в старой усадьбе на берегу Оки найдены пять фарфоровых кукол. Они двигаются. Говорят. Смотрят. И из трещин на их телах сочится белая жидкость — густая, тёплая, как гной.Хозяйка усадьбы, Аглая Степановна Морозова, пережила блокаду Ленинграда. Она потеряла мать, отца, четверых братьев и сестёр. Все они умерли от голода и холода зимой 1941–1942 годов. Аглая выжила. И нашла способ не отпускать тех, кого любила. Она лепила их из фарфора, обжигала в печи и говорила слова, которые нашла в старинной книге французского мастера Дюваля. И они оживали. Не по-настоящему. Не так, как люди. Но они двигались. Они улыбались. Они были с ней. Всегда.

© Аржаев С., 2026
© Автор, 2026

Станислав Аржаев
Фарфоровая Вдова

Пролог.Девочка Которая слишком долго спала

Первое, что Софья помнила из своей новой жизни, — это холод. Не тот холод, который был в блокадном Ленинграде, когда она лежала на кровати, укрытая двумя одеялами, и слушала, как мать шепчет молитву. Это был другой холод. Ровный. Гладкий. Бесконечный. Как будто её обернули в белую простыню и положили на полку. И забыли.

Но это было не самое страшное. Самое страшное началось потом. Когда она поняла, что не может двигаться. Не может говорить. Не может открыть глаза. Но она слышала. Всё слышала. Каждый вечер. Каждую ночь. Мать садилась в кресло, смотрела на неё и говорила:

— Софья, девочка моя. Ты такая красивая. Ты такая белая. Ты никогда не состаришься. Ты никогда не заболеешь. Ты будешь со мной. Всегда.

Софья хотела крикнуть: «Мама, я не хочу быть красивой! Я хочу быть живой! Я хочу есть хлеб! Настоящий хлеб! Я хочу мёрзнуть! Я хочу плакать! Я хочу умереть!» Но она не могла. Фарфор не давал ей голоса.

А потом она почувствовала, как что-то ползёт по её коже. Изнутри. Медленно. Как черви. Как гниль. Фарфор был живым. Он рос. Он прорастал сквозь неё. Он заменял её. Сначала пальцы. Потом руки. Потом лицо. Она чувствовала, как её глаза превращаются в стекло. Как её рот застывает в улыбке. Как её сердце — ещё живое, ещё бьющееся — оказывается запертым в белой глазурованной тюрьме.

Иногда она слышала, как кричат другие. Николай. Владимир. Татьяна. Они кричали внутри своих кукол. Беззвучно. Бесконечно. Но мать не слышала. Мать улыбалась и говорила:

— Какие вы красивые. Какие вы белые. Вы мои. Навсегда.

Годы шли. Мать старела. Софья — нет. Она оставалась девочкой с косичками. С бантиками. С улыбкой. Которая никогда не менялась. Которая была нарисована. Которую вылепили. Как куклу. Как вещь. И каждый год в её день рождения мать приносила торт. Ставила его перед полкой. Зажигала свечи. И говорила:

— С днём рождения, Софья. Ты не стареешь. Ты моя вечная девочка.

А потом свечи гасли. И в темноте Софья слышала, как что-то скребётся внутри её фарфорового тела. Что-то, что хотело выйти. Что-то, что не могло.

А потом в дом пришли люди. Софья услышала шаги. Много шагов. Мужской голос. Женский голос. И голос матери — старый, усталый, но счастливый:

— Вы пришли. Спасибо. Я думала, никто не придёт.

И тогда Софья поняла: это её шанс. Единственный. Последний. Она должна сказать. Должна попросить. Должна сделать то, что не могла делать восемьдесят лет. Она повернула голову. Медленно. С трудом. Как будто фарфор был слишком тяжёлым для того, что было внутри. Что-то хрустнуло. Что-то треснуло. Из трещины на шее потекла белая жидкость. Густая. Тёплая. Как гной. Как молоко. Как смерть.

И она посмотрела на человека, который стоял перед ней. Мужчина. Лет сорока. С усталыми глазами. С руками, которые дрожали.

— Дядя, — сказала она. — Мне холодно. И что-то ползёт у меня под кожей. Вытащи это. Пожалуйста.

Глава Первая.Илья.Человек который боялся тишины

Илья Корвин не хотел ехать в Нижегородскую область. Он хотел сидеть в своей квартире на Лиговском, пить чай и не думать о сосудах. Но он уже знал: если звонит Кожухова, значит, дела плохи.

— Корвин, — сказала она. Голос был сухой, как всегда. — Тут дело. В Нижегородской области. Женщина вызвала полицию и сказала, что убила пятерых детей. Приехали — нашли пять фарфоровых кукол. Живых.

— Живых? — переспросил Илья. И почувствовал, как у него холодеет внутри. Не от страха. От узнавания.

— Двигаются. Говорят. Смотрят. — Кожухова помолчала. — И ещё. Они... текут. Из них что-то течёт. Белое. Густое. Как гной. Эксперты говорят, что это глазурь. Но глазурь не течёт. Глазурь застывает. А это... это ползёт.

Илья закрыл глаза. В груди что-то сжалось. Он вспомнил «Стеклянный сад». Веру Аркадьевну. Лизу. Мальчика с дудочкой. Он вспомнил «Восковую обитель». Берга-младшего. Алёшу. Он вспомнил «Зеркальный дом». Анну. Дюваля. И понял: это не закончится. Никогда. Пока есть люди, которые боятся отпускать. Пока есть те, кто не хочет оставаться один. Пока есть любовь, которая становится клеткой.

— Я приеду, — сказал он.

— Возьми с собой Лизу, — сказала Кожухова. — И Петровича. И Громова. Я не хочу быть одна с этими куклами.

— Хорошо.

Он положил трубку и посмотрел на Лизу, которая сидела напротив и читала книгу.

— Что? — спросила она.

— Фарфор. Нижегородская область. Пять детей. Живые куклы. Из них что-то течёт.

Лиза закрыла книгу. Медленно.

— Опять?

— Опять.

Она вздохнула. Встала. Пошла собирать вещи. И Илья смотрел ей вслед и думал: «Она устала. Она тоже устала. Но она не жалуется. Она просто встаёт и идёт. Потому что она знает: если не мы, то кто? Если не сейчас, то когда? И потому что она любит меня. А я... я не знаю, что я чувствую. Я знаю только, что не могу отпустить её. И не могу отпустить Анну. И не могу отпустить себя. И это — самое страшное. Потому что я сам стал сосудом. И я не знаю, как из него выйти».

В поезде Илья не мог спать. Он лежал на верхней полке, смотрел в потолок и слушал, как колёса стучат по рельсам. Ритмично. Монотонно. Как метроном. Как сердце. Как часы, которые отсчитывают время до чего-то, чего он не хотел знать. Он думал о том, что каждый раз, когда он приезжает в новый дом, он оставляет там часть себя. В «Стеклянном саду» он оставил надежду. В «Восковой обители» — веру в то, что можно спасти всех. В «Зеркальном доме» — иллюзию, что он может контролировать свою жизнь. А что он оставит здесь? Что останется от него после «Фарфоровой вдовы»?

Он думал об Анне. О её смехе. О её руках, которые всегда были в порезах от стекла. О её словах: «Я не боюсь умереть. Я боюсь, что после меня ничего не останется». Он думал о Лизе. О её глазах. О её упрямстве. О том, как она смотрит на него, когда думает, что он не видит. Он думал о себе. О том, что он больше не знает, кто он. Реставратор? Хранитель? Спасатель? Или просто человек, который не может пройти мимо чужой боли, потому что не смог спасти свою?

Он думал о том, что тишина — это самое страшное. Не крик. Не плач. Не звук бьющегося стекла. А тишина. Потому что в тишине ты слышишь себя. Свои мысли. Свои страхи. Свои сожаления. И ты не можешь от них убежать. Ты можешь только лежать и слушать. И ждать. Пока тишина не станет невыносимой. И тогда ты начинаешь говорить. С собой. С теми, кого нет. С теми, кого ты потерял. И ты понимаешь, что сходишь с ума. Но тебе всё равно. Потому что тишина — хуже.

В Нижний Новгород они приехали утром. Громов встретил их на вокзале. Он был в штатском, но с кобурой под пиджаком. Он выглядел уставшим. Ещё больше, чем обычно.

— Я взял отпуск, — сказал он. — Не хочу, чтобы это дело попало в официальные бумаги. Пока не пойму, что происходит.

— А что происходит? — спросил Илья.

— Не знаю. Но мне не нравится. Я проверил эту женщину. Морозова Аглая Степановна. Восемьдесят девять лет. Ветеран труда. Живёт одна. Никого не трогает. И вдруг — звонок в полицию. «Я убила пятерых детей». Приезжаем — куклы. Фарфоровые. Живые. И она сидит в кресле и говорит: «Спасибо, что пришли. Теперь я могу умереть».

Илья кивнул. Он думал о том, что эта женщина — Аглая Степановна — не злодей. Она не Вера Аркадьевна. Она не Берг. Она не Дюваль. Она просто мать. Мать, которая пережила блокаду. Мать, которая потеряла всех. Мать, которая не хотела остаться одна. И он чувствовал к ней не злость. Не страх. А что-то другое. Что-то, что он не мог назвать. Может, жалость. Может, понимание. Может, страх, что он сам может стать таким.

Кожухова ждала их у машины. Она курила, стряхивая пепел в пустую банку из-под кофе, и смотрела на всех с профессиональным цинизмом.

— Я не верю в мистику, — сказала она. — Но я верю в то, что вижу. А вижу я пять фарфоровых кукол, которые двигаются. И текут. И женщину, которая говорит, что это её дети. Умерли в блокаду. Она их «сохранила». — Она затянулась. — Я вам сразу скажу: это дело не пройдёт. Ни в суде, ни в прокуратуре. Нигде. У нас нет статьи «фарфоровые дети». У нас есть статья «убийство». Но кто убил? Женщина, которая лепила кукол? Или куклы, которые ожили? Я не знаю. И я не хочу знать. Я хочу закрыть это дело и уехать.

— А если не получится? — спросил Илья.

— Тогда я скажу, что вы все психически нездоровы. И буду права.

Илья посмотрел на неё. Долго. Потом сказал:

— А вы не боитесь?

— Того, что мы найдём там не только кукол. Того, что мы найдём что-то, что не сможем объяснить. Того, что вы начнёте верить в мистику.

— Чего?

Кожухова затушила сигарету. Медленно. Потом сказала:

— Я боюсь. Но я не показываю. Потому что если я начну показывать — я сломаюсь. А я не могу сломаться. У меня работа. У меня дело. У меня люди, которые на меня смотрят. И если я сломаюсь — они тоже сломаются. Так что я не боюсь. Я просто делаю свою работу. А страх... страх я оставляю на потом. Когда всё закончится. Если закончится.

Глава Вторая.Дом с запахом смерти

Усадьба Морозовой стояла на берегу Оки, в двадцати километрах от Нижнего Новгорода. Дом был старый, деревянный, с резными наличниками и покосившимся крыльцом. Во дворе — колодец. За домом — сад. Яблони. Вишни. Смородина. Всё заросшее. Запущенное. Как будто здесь давно никто не ходил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.